

**Надо всё-таки,
чтобы
чувствовалаась
боль.**

**Тамара Владимировна
Иванова**

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Предисловие к роману Всеволода Вячеславовича Иванова
«Похождения факира».

- «НАДО ВСЕ-ТАКИ, ЧТОБЫ ЧУВСТВОВАЛАСЬ БОЛЬ...»

«НАДО ВСЕ-ТАКИ, ЧТОБЫ ЧУВСТВОВАЛАСЬ БОЛЬ...»

*«Творчество Всеволода Иванова
не только в прошлом и настоящем,
оно и в будущем.*

*А современники не всегда могут
рассмотреть будущее».*

Виктор Шкловский

Книга Всеволода Иванова «Похождения факира» вышла первым изданием в середине 30-х годов (в 1934 году).

Для того времени роман был неожиданным.

На фоне официальной парадной литературы, которой вменялось в обязанность прославление коллективизации и других проявлений сталинской политики пятилеток, странным диссонансом прозвучал шутливый и полупародийный стиль книги, в которой автор не только вспоминал о реальной обстановке своего детства и юности, прошедших в западносибирской провинции, но рассказывал и о своем постепенном духовном становлении.

Именно это духовное становление, по-моему, не сможет не заинтересовать современного читателя хотя бы потому, что именно оно, при появлении романа, было всего недопустимее с точки зрения критиков, поспешивших объявить роман «формалистским» и мистическим,

Ведь в романе описаны опыты отыскивания автором своей «духовной Индии», чем определено и название романа, и его причудливый зачин.

Всеволод Иванов совмещает в себе и героя романа, и автора, героя создавшего.

В плане духовного становления автор и его герой — едины. Тогда как во всех других планах романа автор позволяет себе много и реальных, и гротесковых, а порой и фантазмагорических допусков в описании окружающей его среды.

В годы своей юности Всеволод Иванов всерьез занимался практикой и теорией индийской йоги.

В романе есть замечательные страницы, где описаны ночи, проведенные героем — Сиволотом — отшельником, отказавшимся от мирских утех, всех жизненных удовольствий.

На лесной полянке проводит Сиволот ночь за ночью, пока

обитающие в лесу звери, привыкнув к его присутствию, не начинают запросто подходить к нему и общаться с ним.

Этот духовный опыт так описан, что в подлинности его сомнения невозможны.

В романе опыт обрывается из-за возникшей любви к женщине, но любовь эта, кстати сказать, описана, иронически.

При всей серьезности своих нравственных опытов автор и их описывает всегда с усмешкой.

В центре романа (что было отражено и в заголовках частей) — образ цирка, к которому подходит и в который входит факир Сиволот.

Тема цирка и гротескность стиля роднят роман с тем смеховым или «карнавальным» направлением, о котором теперь так много пишут литературоведы.

Надо думать, что Всеволод Иванов сознательно ориентировался на таких писателей, близких к этому направлению, как Стерн и Сервантес. Вместе с тем он использовал и хорошо знакомые ему с детства произведения лубочной литературы. С ней связаны, например, анекдоты, рассказываемые Филиппинским, одним из спутников факира Сиволота, и необычные зачины-заглавия, введенные в самый текст романа, становящийся от этого причудливо-затейливым.

Отдельные части романа написаны стилистически неоднородно.

Для уяснения этого феномена надо прежде всего помнить исходную позицию автора.

А именно: «Если уж в такой стране, где были Чехов и, Достоевский, быть писателем, то надо быть очень хорошим, а для этого необходимо полностью развить себя».

Вот Всеволод Иванов и развивал. Никогда не останавливаясь на достигнутом.

Интересно отметить одну деталь, почему-то на нее не обратил внимания ни один из исследователей (правда, до сих пор весьма немногочисленных) его творчества.

Редкая в творческой жизни Всеволода Иванова похвала критики приводила к необычному результату. Будучи похвален, он органически не мог продолжать в той манере, за которую получил одобрение. Не меньше чем подражательности и штампов боялся он окостенения формы.

Так, после блистательного успеха «Партизанских повестей» в следующем цикле рассказов «Седьмой берег» Всеволод Иванов резко меняет манеру письма.

Очевидно, он боялся повторить самого себя, как всегда боялся повторить классиков русской литературы, перед которыми

преклонялся и произведения которых переписывал от руки, дабы глубже проникнуть в магию их вдохновения, уяснить себе процесс творческого мышления, Льва Николаевича Толстого или Антона Павловича Чехова.

Первая часть «Похождений факира» восхитила Горького, он написал автору широко известное, восторженное письмо: «Дорогой и замечательный Сиволот! «Похождения факира» прочитал жадно, точно ласкал любимую после долгой разлуки. Вот — не преувеличиваю! Какая прекрасная, глубокая искренность горит и звучит на каждой странице, и какая душевная бодрость, ясность. Именно так и должен наш писатель беседовать с читателем, и вот именно такие беседы о воспитательном значении трудной жизни, такое умение рассказать о ней, усмехаясь победительно, — нужно и высоко ценно для людей нашей страны.

Обнимаю и крепко жму руку, милый мой товарищ.

А. Пешков.

Р. С. Кое-где слова надо переставить и есть неясные фразы.

А. П.»

Всеволод Иванов искренне любил и чтит Горького. Был благодарен ему — ведь Алексей Максимович стал фактически его крестным отцом в литературе.

Но, по-видимому, эта горячая похвала «Похождений факира» не только обрадовала Всеволода Иванова, но и насторожила его.

К тому времени он уже уяснил себе, что Алексей Максимович, возможно, подсознательно, всегда восхищен тем произведением, которое он может сопоставить или с самим собой, или с излюбленными своими писателями.

Да ведь и на самом деле первая часть «Похождений факира» до какой-то степени сопоставима с установившейся традицией, такой, как в высшем своем проявлении она представлена повестями Льва Николаевича Толстого «Детство», «Отрочество» и самого Горького: «Детство», «В людях».

А Всеволод Иванов предъявляет к себе требование не только вобрать в себя опыт глубоко им чтимых своих предшественников в литературе, но, отталкиваясь от него, идти вперед, экспериментировать, дать читателю новое видение мира, никем до него еще не увиденного с тех позиций, которых требует время, не стоящее на месте, непрестанно движущееся.

Ведь даже свои официальные автобиографии Всеволод Иванов писал до какого-то времени (а точнее, до 37-го года) по-разному, пока работник по кадрам СП СССР категорически не попросила его выбрать из них какую-нибудь одну и впредь ее

неукоснительно придерживаться, оставив копию ей.

На вопрос этой женщины (фамилия ее была Кашинцева, а имя я позабыла): «Почему вы, Всеволод Вячеславович, пишете по-разному ваши автобиографии?» — Всеволод Иванов ответил: «Я ведь писатель, — мне скучно повторять одно и то же, поэтому я и вношу стилистическое разнообразие в описание своей биографии».

В дневнике Всеволода Иванова есть запись: «Все мои автобиографии — лишь внешние факты моей жизни <...>. В жизни так трудно разобраться, да еще в своей <...>, да и так ли интересно, какую одежду я носил в 1917 году, имел ли недвижимую собственность, добродетельных родственников <...>. Впрочем, еще труднее написать автобиографию автотворчества».

Больше всего Всеволод Иванов боялся, что у него получится банальность, — «как у всех».

Посчитав, что именно так вышло с романом «Северсталь», он сжег его.

Бытовые уточнения Всеволод Иванов допускал лишь для того, чтобы заставить читателя поверить, что «так оно и было».

Вообще же, исходя из эмоциональных впечатлений, он претворял жизнь в фокусе своего фантастического видения.

Он — «антисвидетель», я заимствую здесь определение Феллини, которого считаю лучшим мастером современного кино.

Феллини пишет, что он «антисвидетель», ибо реальна для него лишь фантазия, то есть то, что пропущено через его индивидуальное восприятие. Он утверждает: «Человеческий глаз видит реальность со всем присущим человеку зарядом эмоций, идей, предрассудков, культуры... Чем больше ты стремишься подражать действительности, тем скорее скатишься к подделке». Неподдельна же для Феллини только творческая фантазия, и для него «каждое произведение искусства живет в том измерении, в каком оно задумано и в каком передано автором».

А у Всеволода Иванова есть запись:

«Величественное — наивно. Великое искусство — тоже наивно. Полезно, конечно, когда великий художник много знает и многому научен, но, пожалуй, еще лучше, когда он знает меньше, а больше чувствует: знания в его области придут к нему тогда из его опыта».

Всеволод Иванов непрерывно работал над стилем своих произведений. Стил ь же был для него неотделим от содержания. Поэтому новое содержание всегда требовало, по его убеждению, нового стиля.

Тут и начинается парадоксальность.

Похвала чтимого и как человека и как писателя Алексея Максимовича оборачивается для Всеволода Иванова сомнением в правильности избранного им для «Похождений факира» стиля повествования.

Молодости, к счастью, свойственно рисковать.

Вторую и третью части «Похождений факира» Всеволод Иванов пишет совсем в иной манере, чем первую часть.

Дело не только в том, что он всё дальше уходит от автобиографичности. Впрочем, она не столь уж документальна и в первой части.

Всеволод Иванов записывает: «Мы, конечно, преувеличиваем тупость наших читателей, когда утверждаем, что в литературе нужно постоянно следовать литературным традициям Толстого и Чехова, не отступая от них ни на шаг. Читатель значительно умнее наших предположений. Если бы литературная критика разъясняла по-настоящему сложнейшие литературные произведения, новая форма появилась бы быстрее».

Утверждение критики: «Наступило то время, когда писателю следует объяснить поведение своих героев одновременно и образно, и словесно — представляется мне сомнительным», — пишет Всеволод Иванов.

Читатель вправе спросить: а зачем она нужна, эта новая форма?

По мнению Всеволода Иванова, она не просто нужна, а — необходима.

Жизнь меняется, усложняется. Техника достигает невообразимого прежним человеком изощрения — как же может при таких условиях оставаться неизблемым искусство, литература.

Для каждой эпохи существует свой способ выражения. Каждая эпоха создает свой органичный стиль и язык, поэтому повторение стиля классиков всегда казалось Всеволоду Иванову противоестественным.

Однако, по его мнению, это никак не влияет на философское и общечеловеческое значение классики, ведь учитывая, что писалась она в свое, отличающееся от нашего время, читатель не может не воспринимать её по-современному. Иными словами, истинное произведение искусства остается всегда современным, более того, и то время, когда оно создавалось, писатель, иногда сам этого не подозревая, предвосхищал будущее.

Теперь, в 1988 году, когда наш читатель зачитывается Платоновым, знакомится с произведениями «обэриутов», а в мировом масштабе театр абсурда стал уже прошлым, давно переваренным восприятием зрителя, приведенные выше призывы

Всеволода Иванова к новой литературной форме полностью оправдались.

Литература не фотография, да ведь и в фотографии многое, если не все, зависит от выбранного фотографом ракурса. Один и тот же предмет или человека можно снять так, что предмет произведёт впечатление одушевленного, а человек, наоборот, неодушевленного.

Только-только критика привыкнет к одному писательскому облику Всеволода Иванова, а он уже переменял и ритм, и манеру письма, и стиль.

Его судят, не угнавшись за ним, по критериям, применимым к предшествующему периоду его творчества, а он уже другой.

К сожалению, похожий процесс происходил и во взаимоотношениях между Максимом Горьким и Всеволодом Ивановым.

Ведь даже следуя установившейся традиции жанра в первой части романа, Всеволод Иванов не может удержаться от гротеска, что уже само по себе является несомненным отступлением от традиционности. И это вопреки его утверждению, что он все время находится в поисках простоты стиля.

Во второй и третьей частях «Похождений» факир Сиволот только носит имя автора, но к его биографии имеет самое минимальное отношение, он — явление собирательное, а прототипом его скорее всего можно посчитать Рыцаря Печального Образа.

Предвидя, что вторая и третья части «Похождений факира» Горькому понравиться никак не могут, — Всеволод Иванов пишет ему (16 октября 1935 года): «Вам не понравятся, видимо, вторая и третья части «Факира». Или, может быть, Вы прочли только вторую часть. Тогда посылаю Вам и третью, которая Вам так же, как и вторая, не понравится Тут уж, конечно, вина автора... Буду надеяться, что Вам понравятся четвертая и пятая части. Там я покидаю разговор от первого лица и начинаю писать об В. Иванове, лице несомненно собирательном, в третьем лице, — и писать по-иному...»

Предвидение Всеволода Иванова оказалось оправданным: Горький ответил ему: «Третью часть «Факира» прочитал, не могу сказать — понравилось, ибо все время раздражало многословие, охлаждали длинноты. Но очень хороши страницы, где Вы пишете отца, и если б Вы отнесли к этой фигуре более внимательно — наша литература получила бы своего Тиля, Тартарена, Коля Брюньона. Именно так, я знаю, что не преувеличиваю. В книге вообще много ценного, забавного, я буду читать ее второй раз и, если хотите, отмечу то, что мне кажется лишним».

И дальше, при личном обсуждении, Горький заострил свою критику. Об этом есть свидетельство всемирно известного критика и литературоведа Виктора Борисовича Шкловского: «Горький спорил с книгой «Похождения факира».

Поверьте мне на слово, Горький говорил:

— Конечно, это мне не нравится, но это лучше Гоголя.

А Всеволод ему отвечал:

— Алексей Максимович, ведь вы Гоголя не любите». («Всеволод Иванов — писатель и человек». М, «Советский писатель», 1970, с. 73).

В этом же очерке Шкловский пишет: «Большого писателя хотели вернуть назад, остановить его. Но, — не помню кто сказал, — большой писатель уносит на себе ворота, за которыми его хотят запереть».

Вероятно, именно эта боязнь «быть запертым» и заставляла его каждый раз писать по-иному, что и стало, возможно, причиной его творческих бед.

Если бы, непрестанно ища и экспериментируя, он хотя бы не сомневался в том, что путь его правилен! Но этого как раз и не было. Он всегда искал и всегда сомневался, создавал множество вариантов и хотя в конце своего творческого пути и писал, что «был счастлив сомнением», однако лично я, наблюдавшая его каждый день, имею право утверждать, что счастья от достигнутого — найденного — было куда меньше, чем терзаний от собственных сомнений и неприятия критикой.

Всеволод Иванов стоически переносил отказы печатать его произведения, но приспособливаться к чуждым ему требованиям он никак не мог. Поэтому роман «Похождения факира» и остался незаконченным.

Непомерность предъявляемых им к себе требований объясняется еще и тем, что, считая себя самоучкой, он не переставал, будучи уже энциклопедически образованным человеком, учиться. Учился всю жизнь — буквально до последнего дня. Он собирал книги по всем отраслям знаний и непременно ежедневно отводил несколько часов на чтение.

А ведь даже и тогда, в конце 21-го года, когда Всеволод Иванов приехал из Сибири в Петроград и Горький ввел его в содружество «Серрапионовы братья», он был настолько начитан, что Михаил Михайлович Зощенко после первых же встреч спросил его: «Не валяй дурака, Всеволод, скажи прямо: какой университет ты окончил?»

Неустанное чтение принесло к тому, что Всеволод Иванов действительно обладал глубокими и всесторонними знаниями,

как бы закончив не один, в многие факультеты самого элитарного из университетов.

Фактически же он закончил только 4 класса церковно-приходской школы.

Именно поэтому сам он, человек необычайно скромный, написал о себе «Я — писатель-самоучка, из тех, которых теперь немного. За каждым из современных писателей — огромные залы университетов, лабораторий, многоученые профессора и предания Мы учились в гуще жизни — бестолковой, несистематизированной и в сущности мало знающей. Вот почему все мои работы при их появлении — может быть, кроме тех, которые были менее оригинальными, — критика находила «недоработанными». Идолы Индии, многорукие, многоликие, разумеется, среднелобому интеллигенту могут показаться вздором и недоработанностью. Без зазрения совести — и по-своему правый — он отрубит им лишние руки и ноги, оставив по одной паре, согласно законам логики и разума Впрочем, я сам часто рубил себе эти руки и ноги, находя, что на двух ногах мне идти легче».

Но «легче» не получалось.

Требования Всеволода Иванова к себе во всем были чрезмерны. Он не прощал себе ни малейшей фальши. Рубил «лишние руки и ноги» не только тогда, когда это касалось его неумной фантазии, но и тогда, когда он расставался на новом этапе с какими-то, пусть тяжко им выстраданными и, казалось ему, найденными формами творчества, одному ему свойственными.

Роман «Похождения факира» написан сложно. Всеволод Иванов использует в нем приемы как традиционного автобиографического, так и старого европейского плутовского приключенческого романа. Но нельзя не заметить и гротесковой пародийности, пронизывающей все произведение.

Упомянутый выше Виктор Шкловский написал: «Всеволод Иванов был человеком огромного художественного темперамента, соединенного со спокойствием Будды: самоуглубленный — и свободный, сотворенный природой так, как она спокойно и уверенно творит кристаллы.

Он был вне жизненных мелочей, и всегда был верен духу революции, сам дух революции жил в нем».

Всеволод Иванов не переставал размышлять о том, правильно ли Горький относится к его творчеству. Он записывает:

«Горький всегда ждал от меня того «реализма», которым сам

был наполнен до последнего волоска. Но мой «реализм» был совсем другой, и это его не то чтобы злило — а приводило в недоумение, и он всячески направлял меня в русло своего реализма».

Эта запись сделана после смерти Горького, 29 марта 1943 года.

Тогда Всеволод Иванов уже давно и твердо осознал, что он должен во что бы то ни стало идти в литературе только своей собственной дорогой.

Всеволод Иванов всегда ставил перед собой задачу быть понятным любому читателю, но его никогда не покидали сомнения, как сделать свое творчество общедоступным, не отказавшись от оригинальных, лишь ему свойственных жанрово-стилевых решений и формальных находок

Во всех своих публичных выступлениях Всеволод Иванов защищает право писателя на индивидуальный поиск. Без такого поиска, по его мнению, писатель вообще не может состояться.

В 33-м году проходила дискуссия о формализме. К этому времени Всеволод Иванов уже был обвинен критикой во всех смертных грехах, коими считались тогда бергсонианство, фрейдизм, мистицизм и прочие «измы».

На этой дискуссии Всеволод Иванов призывает писателей не бояться поиска. Он уверяет, что такие великие художники, как А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, М. Горький, всегда стремились к простоте, но каждый из них завоевывал эту простоту по-своему — своим, только ему присущим опытом, «усложняя её от века к веку, от эпохи к эпохе».

Никакие призывы к свободе самовыражения и объяснения необходимости этого не меняли ярлыков, жестоко наклеенных на произведения Всеволода Иванова, начиная с цикла рассказов «Тайное тайных». Такой же участи подвергся и роман «Похождения факира».

Надо признать, что Всеволод Иванов дрогнул под этим бурным натиском критики и, полагая, что сможет приблизиться к своей мечте о доступности его книг массовому читателю, вскормленному бытовым реализмом, он переписал «Похождения факира», доведя новую редакцию до почти революционного перерождения своего героя

В конце 50-х годов Всеволод Иванов закончил эту изнурительную, почти непосильную работу.

Однако подобное надругательство над своим собственным творчеством (как писал Всеволоду Иванову Бабель «Мы — безумцы, сделавшие вдохновение источником унижения»)

жестоко ранило Всеволода Иванова.

Из попытки такого самоунижения ничего не получилось, хотя «исправленный» автором «Факир» был опубликован у нас издательством «Художественная литература» и даже переведен за рубежом — в Чехословакии, Венгрии и Румынии. В Чехословакии потом поняли свою ошибку и перевели также и первый вариант.

Автору тоже стало понятно, что, переписывая и, если можно так выразиться, социологизируя свой роман, он его испортил.

По решению комиссии по литературному наследству Всеволода Иванова, а также и редакционных текстологов, в посмертном опубликовании вернулись к первому варианту этого незаконченного романа, найдя его, не в пример переделанному, — высокохудожественным.

Почему же, однако, не закончил Всеволод Иванов не только этот роман, но и два других, писавшихся десятилетиями, — «Поэт» и «Сокровища Александра Македонского».

Вопрос этот, по-видимому, в последние годы жизни он задавал себе сам, что видно из записей в его дневниках.

Много раз цитирую Шкловского, потому что, как мне кажется, из всех критиков, писавших о Всеволоде Иванове, Виктор Борисович всего ближе подошел к разгадке творческой судьбы своего друга.

Виктор Шкловский пишет: «В. В. Маяковский говорил, что писатель стремится к тому, чтобы у него получалось то, что он задумал. Редактор, к сожалению, часто думает о том, как бы чего не вышло. Из этой коллизии получаются поправки. <...> Между тем одним из самых главных свойств писателя является то, что он, имея общее мировоззрение с народом, имеет свое видение мира, свой метод выделения частных, который в результате оказывается подтверждением общего пути, но не является результатом общего миропонимания.

Великого писателя Всеволода Иванова все время подравнивали и подчищали так, что он не занял то место в советской литературе, которое ему по праву принадлежит».

Сам Всеволод Иванов пишет по этому же поводу:

«Легко, конечно, в ненапечатании романов обвинить эпоху, но нетрудно обвинить и автора. Эпоха — сурова, а автор — обидчив, самовлюблён и, к несчастью для себя, он думал, что другие самоуверенные люди — чаще всего это были редакторы — лучше, чем он, понимают и эпоху, и то, что он, автор, должен делать в этой эпохе. Кроме того, виновата и манера письма — стиль автора, который он искал непрерывно и ради искания которого не щадил ни себя, ни редакторов».

И рядом такая горько-ироническая запись «Когда думаешь о смерти, то самое приятное думать, что уже никакие редактора не будут тебе досаждают, не потребуются переделки, не нужно будет записывать какую-то чепуху, которую они тебе говорят, и не нужно дописывать...»

Как ни стоически относился Всеволод Иванов и к неправомерному редактированию, и к отказу напечатать предложенное в редакцию произведение, как ни уверял себя, что «даже счастлив сомнениями», все же совершенно очевидно, что и неприятие к изданию, и редактирование, которое является законной частью неприятия, жестоко травмировали его.

Ведь от задуманных четвертой и пятой частей «Похождений факира» остались только фрагменты, да и третья часть заканчивается лишь авторским многоточием, которое надлежит домыслить читателю.

Как ни относиться к критике, но игнорировать её, да ещё такому щепетильному человеку, как Всеволод Иванов, — совершенно невозможно.

Я уже отметила, что редкая похвала и та хоть и радовала, но вызвала к неуспокоенности, к новым свершениям. Как же чувствовал себя автор, обнаруживая полное непонимание?

В письме к литературоведу Н. Н. Яновскому Всеволод Иванов пишет: «Недавно Публичная библиотека в Ленинграде пожелала издать — в качестве справочника — выдержки обо мне из прессы прежних дней. Мне были посланы — перепечатанными — эти выдержки. Я перечел их и ахнул. Оказывается, ничего кроме брани не было — за исключением, конечно, «Бронепоезда». Забавно, не правда ли?»

А чего уж тут забавного, когда не хотят дать себе труд — понять. Когда ругают потому, что ты попал в обойму, которую ругать полагается.

Ведь и Н. Н. Яновский, которому Всеволод Иванов писал эти строки, тоже «приложил руку» — он пишет, что Всеволод Иванов «написал немало произведений ошибочных, не выдержавших испытания времени».

Всеволод Иванов справедливо возражает: «Какого времени? Десятилетия? И потом Вы отлично знаете, что меня не издавали, а значит, и не читали, и о каком же испытании временем может идти речь? Кроме «Пархоменко», «Партизанских повестей», «Встреч с Максимом Горьким» — ничего не видело света. А я раньше написал томов 10, не меньше (тут надо отметить, что три так называемые «Собрания сочинений» Всеволода Иванова, вышедшие в 20-х, 50-х и 70-х годах, не дублируют друг друга и их скорее можно назвать избранными произведениями, чем

собраниями сочинений. В последнем, посмертном издании два тома почти целиком отданы не издававшемуся при жизни писателя. — Т. И.), и кроме того у меня в письменном столе лежит ненапечатанных (не по моей вине) четыре романа, листов 30 рассказов и повестей и добрый том пьес.

Нс надо судить о Галилее только на основе его отречения от своего учения, что Земля — шар.

Есть истины более достойные, чем наши отречения».

Критика на посмертно изданные произведения Всеволода Иванова отсутствует. Он заключен в вакуум молчания. Однако читатель реагирует по-своему. Книги Всеволода Иванова, едва появившись на прилавке, становятся библиографической редкостью.

Но этого покойному автору знать ведь не дано.

И человеческое сердце не из камня выточено, оно легко ранимо и подвержено тяжким недугам.

Рубцы горечи наслаиваются помимо воли человека, сколь мужественно он свои беды ни переносит.

Поэтому, задав себе в 62-м году вопрос, почему он оставил столько своих трудов неоконченными, Всеволод Иванов, не лукавя перед самим собой, мужественно себе же и отвечает: «Очевидно, не хватило сил выйти за черту тюрьмы».

Иными словами, фактически находясь вне тюрьмы, морально он ощущал себя как бы за решеткой.

И вот что небезынтересно: такое ощущение сопровождало его почти всю жизнь.

Надо сказать, что жизнь не баловала Всеволода Иванова почти с младенчества, не говоря уже о самой ранней его юности.

Семья его вечно скиталась. Голодала.

Но в мальчике это не выработало стремления любой ценой «выбиться в люди».

Наоборот — он яростно возненавидел любое стяжательство, и мечта его об Индии может быть приравнена к мечте о свободе.

Тем тягостнее воспринял он свою несвободу в якобы свободном обществе, которое непрестанно призывало его приспособиться к тому, чего как бы требует эпоха, а любое приспособленчество было ненавистно ему начиная с детства.

Многие герои рассказов и повестей Всеволода Иванова лелеют мечту уйти не из жизни, а в другую, неведомую, не такую постылую, в какой им приходится влачить существование, — Жизнь куда более возвышенную!

Мужики из «Лоскутного озера» верят, что, обойдя это озеро бесчисленное число раз, они чудесным образом очутятся совсем в ином месяце в иной жизни, непохожей на их беспросветное

существование.

Весь «Партизанский цикл» пронизан тем же стремлением людей обрести иную жизнь, чем та, которая выпала им на долю.

Юноша Сиволот, он же факир, ищет в Индии идеал, противостоящий ненавистному ему стяжательному мещанству.

В достижении осознанного идеала ничто не страшно и все возможно. Пройти пешком тысячи километров — а почему бы и нет?

Ведь во имя осуществления мечты можно всем пожертвовать, и разве, истинно возжелав что-либо, человек не способен, рано или поздно, осуществить свою мечту?

Но «один в поле не воин», поэтому Сиволот-факир стремится обрести единомышленников. Заразить своей мечтой других людей. Образовать «соцветие» факира.

Но там, где группируются люди, почти всегда неизбежны разногласия, многие друзья Сиволота далеко не возвышенно, а по-своему, вполне земно и меркантильно, воспринимают его идеал.

Поэтому возникают конфликты, Сиволот бежит от своих друзей, пытается претворить в действительность намеченный идеал, не меняя страны обитания.

Изучая доступные ему по издававшимся брошюрам труды факиров, он пытается у себя на родине подражать им.

Но и тут его подстерегают разочарования.

Он вдруг осознает себя обманщиком — деревенским фальшивым целителем, вроде осмеянной им бабки Феклы.

Вторая попытка все же идти в Индию, опять с теми же отвергнутыми ранее друзьями, не может не кончиться крахом.

Единственным неизменно верным, надежным другом остается лишь лошадь Нубия, в полупододыхающем состоянии купленная на живодёрне, вылеченная и источающая неимоверные потоки любви и сострадания ко всему живому, что в сострадании нуждается.

Экстремальное состояние — война — выявляет с особой резкостью душевное несоответствие Сиволота с его друзьями-спутниками.

Герой романа понимает, что спутники не только опошлили его идеал, но что они необыкновенно вредны даже в той и без их присутствия достаточно мерзкой жизни, от которой он мечтал уйти в Индию.

Осознав вредоносность своих бывших друзей, герой приходит к выводу, что его прямая обязанность их уничтожить.

Если и не он их породил, а то общество, которое само по себе непереносимо, то он, Сиволот, виновен в расцвете их подлости, во всяком случае, ему так кажется.

И вот он решает, что обязан убить их...
На этом роман обрывается.

Позволив себе цитировать третьих лиц, я сознательно не процитировала ни одной страницы, ни даже абзаца ни из одной из предлагаемых читателю трех частей незаконченного автором романа.

Читателю самому предстоит повнимательнее вчитаться в это произведение, так по-разному оцененное современниками автора, которых, как и его, уже нет в живых.

Теперешний читатель, несомненно, найдет в этом романе, кроме его историчности, то, что с более чем полувековой дистанции покажется ему, возможно, близким, а возможно, и причудливым. Ведь всякое истинное литературное произведение может быть написано только тогда, когда оно писалось. Но следующие поколения не могут не читать его по-современному.

Тут, не погрешив против истины, можно заверить читателя, что при всей причудливости фабулы исторические бытовые детали даны автором необыкновенно точно.

В романе — одна из самых старых тем литературы — путешествие.

Путешествие всегда обновляет восприятие человеком жизни.

Всеволод Иванов путешествовал не только фантазируя и сочиняя прозу, но и реально.

До конца своих дней он ежегодно совершал путешествие в нехоженые места нашей страны.

Ездил сотни километров верхом по тайге.

За два года до смерти проплыл по порожистой, несудоходной реке Мензе на надувной резиновой лодке.

Об этих его путешествиях опубликованы (в книге «Вс. Иванов — писатель и человек», М., «Советский писатель», 1980) воспоминания его спутников, читинских писателей. Да и сам Всеволод Иванов описал свои путешествия в новелле-очерке «Хмель».

Я в этих путешествиях не участвовала, но мне хочется отметить, что, путешествуя, Всеволод Иванов не переставал искать свой юношеский идеал, свою Индию.

Только теперь это был поиск реального, собственного духовного совершенства. Отказ от убийства чего бы то ни было живого. Удачливый охотник — бил птицу влёт — он раздарил все свои ружья и даже присутствовать на охоте отказывался. Не только не убить, но и не обидеть человека, помочь ему — вот в чем видел писатель свой перевоплощенный индийский идеал.

Последние годы жизни, урывая львиную долю времени от своего творчества, он посвятил молодым писателям, неустанно помогая им как на посту председателя приемной комиссии СП СССР, так и председателя Государственной выпускной комиссии Литинститута.

Даже смертельно больной, в больнице, читал он, дабы восстановить справедливость, отвергнутые книги не принятых в СП авторов, а также рукописи «забракованных» дипломантов Литинститута.

Тогда же, в больнице, он записал: «Я принимал, и совсем недавно, кислород через трубочку Этот газ входит незаметно, и так же незаметно улучшается мир, то есть вам кажется, что он улучшился., Все ясно, просто, все разрешено, — а между тем вы всего лишь «на больничной койке», и мир, если привстать с этой койки и оглядеть только вашу палату, довольно сильно неблагоустроен. Тоже недавно один врач-анестезиолог сказал: «При современном состоянии медицины мы способны уничтожить любую боль, Но как тогда, если не будет болей, мы установим состояние больного. <...> Если больной не будет нам говорить, что он чувствует, что у него болит, мы не в состоянии лечить его!»

Я думаю, что то же самое и в области литературы. Надо все-таки, чтобы чувствовалась боль — если она есть, А что она есть, это несомненно.

Одни аресты и лагеря чего стоят!»

Всеволод Иванов приходит к умозаключению:

«Хотя и неуместны все пророки и прорицатели, особенно тогда, когда они сами не понимают, что делают. Тем не менее больное видение мира пришло и восторжествовало и будет торжествовать до тех пор, пока не вернется покой и самоуверенность, почти блаженство, XIX века, Но вернется ли? Цивилизации возвращаются редко — почти никогда Остается один путь — опираясь на добро, человеческий ум может достигнуть невообразимых высот!»

А в Индии Всеволод Иванов всё же побывал.

Он пишет:

«Самое удивительное то, что я действительно попал в Индию, хотя и не в 1913 году, а 46 лет спустя, в 1959 году, и не пешком, не с караваном (через Баку, Кабул и Пешавар), я прилетел на ТУ-104 через Москву — Ташкент — Дели.

Меня встретили гирляндой из желтых цветов, как встречают многих советских путешественников, боюсь, что в 1913 году я был

бы встречен в Дели несколько по-другому! Хотя я попал в Индию и 46 лет спустя, впечатление от Индии было сказочно пышным, быть может, более пышным, чем даже в юности, так как я многое научился видеть и, боюсь, не покажется ли это хвастовством, кое-что и понимать. Во всяком случае, был счастлив! Видел древние и новые города Индии, моря, реки, горы, деревни, брошенные крепости, толпу на улицах, пыль, слышал запах цветов, запах Ганга, — короче говоря, я был счастлив. <...> Как-никак, это было завершение пути, куда я шел...»

Читатель не должен забывать, что путь Всеволода Иванова был труден. Лучшая благодарность подвижникам — память о них.

Путь Всеволода Иванова и в жизни, и в литературе был подвижническим.

Чтобы познавать — надо читать, и не просто читать для того, чтобы время провести, рассеяться.

Нет! Читая такие книги, как «Похождения факира», надо непременно задумываться и тем отдать должное памяти о писателе!

Он это заслужил.